

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080009062-5

АФРАЗИЙСКАЯ ЗОНА НЕСТАБИЛЬНОСТИ
И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ¹

© 2020

А.И. НЕКЛЕССА ^a^a – Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7943-6856; Scopus ID: 57191093038; neklessa@intelros.ru

Резюме. Проблема стратегического планирования рассматривается в статье на примере российской политики в Сирии; анализируются ее контекст, подтекст, логика. Действия Москвы выглядят не вполне логичными, если не принимать в расчет обстоятельства за пределами сирийского круга. В 2012 г. в России началась очередная каденция Владимира Путина, выдвинувшего программу Евразийской интеграции, в русле которой предполагалось институциональное развитие ЕвразЭС с целью выстраивания Евразийского Союза как альтер-аналога Европейского Союза. Геоэкономическим рычагом реконструкции мыслился нефтегазовый комплекс, который включал бы: (а) западную (украинскую и белорусскую) составляющую; (б) дополняющий ее «Северный поток»; (в) проектируемый «Южный поток» и (г) восточный рукав системы – «Сила Сибири». Вскоре, однако, обнаружились определенные изъяны концепции и технологий ее реализации. Планируемый политический контур ЕАЭС не состоялся, контроль над УкрГТС стал невозможен, а проект «Южного потока» пришлось свернуть. Разрешение части проблем виделось в проекте «Турецкого потока», но требовался рычаг влияния на Анкару. Таковым мог стать плацдарм на сирийской территории. Успех был важен Москве также для восстановления престижа, сглаживания напряжений и манифеста уже для следующей каденции. Анкара остро отреагировала на силовые действия у своих границ. План «Турецкого потока» был усечен, а летом 2018 г. заработал альтернативный России «энергетический шелковый путь» – ТИИП. Недооцененным оказался и объем военно-технических, логистических, транспортных проблем, связанных с сирийской кампанией. Не удалось использовать связи с курдами, перешедшими под покровительство США. Военный союз с Ираном при нарастающей изоляции последнего становился стратегической ловушкой, а фиксирование зон доминирования чревато дальнейшими политическими и финансовыми обременениями. Интересы РФ в афразийской зоне смещаются на Африканский континент. Для России все это означает коррозию стратегической перспективы и отягощенность чрезмерным проблемным разнообразием как во внешней, так и во внутренней политике.

Ключевые слова: Афразийская зона нестабильности, сирийский кризис, Россия, стратегическое планирование, геоэкономика, газотранспортные системы.

Для цитирования: Неклесса А.И. Афразийская зона нестабильности и проблемы российского стратегического планирования. *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 138–148. DOI: 10.31857/S086919080009062-5

¹ Статья написана на основе доклада «Афразийская зона нестабильности и проблемы российского стратегического планирования» на конференции «Арабский кризис: региональные и глобальные последствия, перспективы политического ислама» Москва 6 декабря 2018 (Институт Африки РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований, НИУ «Высшая школа экономики», Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации»). Панель №3 «Проблемы стратегического планирования в условиях образования афразийской зоны нестабильности».

AFRASIAN ZONE OF INSTABILITY AND THE RIDDLES OF THE RUSSIAN STRATEGY PLANNING

© 2020

Alexander I. NEKLESSA ^a

^a – Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7943-6856; Scopus ID: 57191093038; neklessa@intelros.ru

Abstract. The article evaluates Russian policy in Syria as a case of Moscow's strategic design. The actions of Moscow, repeatedly announcing its victory and withdrawal of troops, sometimes look not quite logical, if not take into account circumstances outside Syrian circle. Vladimir Putin's new presidential term started in 2012 with a program of Eurasian integration. The development of EurAsEC had an ambitious goal of promotion the Eurasian Union as an alter-ego of the European Union. The main instrument and resource of the project was considered to be oil and gas complex, which included (a) Western (Ukrainian and Belarusian) component; (b) the complementary "Nord stream"; (c) design of "South Stream" and (d) eastern part – "Power of Siberia". However, the concept and technology of project's implementation failed to work in due course. The planned political aspect of the EAEU was blocked, control over UkrGTS became improbable, and the South Stream project was abandoned. Resolution of at least part of the problems seemed to be the project of Turkish Stream, but it demanded a point of influence on Ankara. A controlled area on Syrian territory close to the Turkish border could serve this aim. Success of intervention in Syria was also important to Moscow for restoration of prestige, smoothing of tensions and as the manifesto for the next cadence. The script, however, suffered fiasco. Ankara reacted sharply to the forceful actions at its borders. The Turkish Stream planning had truncated, and the alternative non-Russian "Gas Silk Road" – TANAP began to function. Moscow had to conclude negotiations on the Caspian Sea, forcing the decision of military-strategic tasks, but agreeing with the principle of "notification" about the laying of pipelines. The volume of military-technical, logistical, transport problems connected with the Syrian campaign was underestimated as well. Russia could not effectively exploit the potential of links with the Kurds who had moved to the patronage of the United States. The military alliance with Iran with the increasing isolation of the latter is becoming a strategic trap, and the fixation of consensus on the zones of domination is fraught with political and financial burdens. Russia's interests in the Afro-Asiatic zone meanwhile move to the African continent. All this means corrosion of Russian strategic perspective and burden of problem diversity in both foreign and domestic policy.

Keywords: Afroasian zone of instability, Syrian crisis, Russia, strategical planning, geoeconomics, pipelines.

For citation: Neklessa A.I. Afrasian Zone of Instability and The Riddles of the Russian Strategy Planning. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 138–148. DOI: 10.31857/S086919080009062-5

Человеческий космос сегодня наделен сюжетным разнообразием и обременен обилием персонажей. Текущая мировая проблематика – это скорее гордиев узел идеалов, интересов, взаимосвязей многоликих субъектов действия, проецирующих силу и волю в различных местах планеты, нежели прежняя системная конфронтация «великих держав».

Мы движемся к новой концепции мира. Привычные политологические концепты падают перед парадоксами возникающих ситуаций. Конвенциональное знание постепенно утрачивает способность эффективно опознавать и толковать комплексную феноменологию новизны – взрывчатую смесь возможностей будущего и угроз неоархаики. Анализ и прогноз подвижных, многофакторных ситуаций все чаще нуждается в обновлении исследовательского инструментария на основе теории сложных систем, оперирующей такими понятиями, как самоорганизующаяся критичность, динамический хаос, странные аттракторы и другими, как выразилась бы Алиса, «чудесатыми зябликами».

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

Суть стратегии – определение оптимального пути для достижения цели; она подобна дорожной карте, где расчет маршрута производится не с помощью формальных геометрических калькуляций, а в соответствии с актуальными обстоятельствами и техническими возможностями продвижения. Опыт крупных боевых и тыловых операций Второй мировой войны развил искусство стратегического планирования, которое в послевоенные годы конвертировалось в методики проектирования и алгоритмы деятельности, используемые в гражданской сфере и применяемые при разработке больших и долгосрочных проектов. В 1950 – 1960-е гг. развивались методы проектирования и прогнозирования, основанные на системном подходе: исследование операций, системный анализ, системная (индустриальная, мировая) динамика, матричный анализ. Из интеллектуальных корпораций, работающих в данной сфере, известность получила связанная с военным ведомством корпорация РЭНД. Явлением в области социального прогнозирования в 1970-е гг. стали доклады Римскому клубу, базировавшиеся на принципах, сформулированных его отцом-основателем Аурелио Печчеи: глобальность, долгосрочность, трансдисциплинарность [Римский клуб, 1997, с. 36–37].

На пороге XXI в. сдвиги в миропорядке стимулировали замещение прежних способов анализа, проектирования и прогнозирования когнитивными практиками, не просто объединяющими целостный подход и долгосрочное целеполагание с межрегиональными взаимозависимостями, но претендующими на эффективный прогноз и планирование в протееобразной среде глобального транзита. Разрабатываются и вводятся в анализ социальной проблематики техники исследования нелинейных процессов на основе теории самоорганизующейся критичности и анализа поведения открытых неравновесных систем. Косвенное управление многофакторными ситуациями производится посредством применения соответствующих аттракторов, включая антропо-ориентированные методы (рефлексивный, точечный, рефлекторный); используются также возможности синергичных операций². Наибольшую известность из интеллектуальных центров, занимающихся изучением сложных нелинейных процессов и закономерностей поведения самоорганизующихся высокоадаптивных систем, получил Институт Санта Фе, основанный группой ученых преимущественно из Лос-Аламосской лаборатории.

Актеры нового века продуцируют сложную среду, меняются модели поведения и структуры лояльностей, понимание суверенитета и базовых активов, соотношение уникального и универсального. Комплексность, мозаичность и неопределенность подвижных композиций повышают требования к искусству постсовременного конструктивизма. Тень «скрытой угрозы» провоцирует размышления об «известных и неизвестных неизвестностях» [Rumsfeld, 2002], последствиях «маловероятного высокоэффективного события» (Ричард Чейни) и разработку соответствующих методов защиты и реагирования (*capabilities based strategy*) [Moroney et al., 2007].

² См. применение нетривиальных методов при планировании США военных кампаний на Ближнем Востоке. Так, в операции «Буря в пустыне» использовалась методика рефлексивного управления противником – учет ментальности Саддама Хусейна предполагал высокую вероятность существенного изменения им контура иракской обороны при возникновении признаков персональной угрозы – продвижении войск США в направлении не Кувейта, а Багдада. Однако это было актом применения соответствующей стратегемы: движение американских частей, якобы направленное в центр страны, образовало дугу, возмившись в оборону оккупированного Кувейта, заметно ослабленную из-за вывода элитных частей республиканской гвардии. В результате цели кампании были достигнуты без сколько-нибудь существенных потерь. Во время второй иракской кампании («Иракская свобода») также применялись оригинальные методики, в частности связанные с точечным («акупунктурным») управлением, к примеру, блокированием счетов избранных лиц, сопровождавшимся указанием на линию поведения, необходимую для их разблокирования. В результате собственно военная кампания по полному разгрому иракской армии была проведена за три недели. Однако генеральные цели были спланированы в рамках прежней политической логики и соответствующих схем.

Меняются также критерии профессионального мастерства политической элиты («соборания благородных мужей обоего пола») в соответствии с классом возникающих задач и горизонтом планирования. Проблема компетенций правящего слоя при нарастании неопределенности в разных системах разрешается по-разному: варьируется состав руководства, устраняются кастовые препоны, вливается свежая кровь, усложняя характер элитного представительства. Либо принимаются меры по силовому упрощению ситуаций. Минимизация разнообразия, однако, негативно сказывается на эволюции системы. Отсутствие разномыслия и личностной инициативы генерирует фрустрацию и аномию, преобразуя граждан в «лишних людей».

Ригидные политические организмы с ограниченной обратной связью особо уязвимы в кризисных обстоятельствах, когда быстро нарастают противоречия. Дефицит пластичности, подавление критики прямо сказываются на качестве управления, а отсутствие институализированной оппозиции и практик самоорганизации сужает спектр доступных альтернатив поведения и действия, подкрепленных мотивированным и квалифицированным кадровым ресурсом.

Стратегическое мастерство – динамичная категория. Дефекты накапливаются, когда диктат и контроль доминируют над управлением. Поливариантная картография практики пестрит развилками маршрутов, предполагая перманентный конфликт приоритетов при поиске оптимального баланса обретений и потерь. Это искусство воплощать идеи и замыслы, предъявляя миру преображенную реальность.

АФРАЗИЙСКАЯ ЗОНА НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Практика – предметное поле социальных дисциплин, ристалище гражданских и военных искусств. Обобщенная, но заметно упрощенная модель глобального ландшафта – это синтез двух взаимопроникающих ареалов: Запада и Востока, каждый со своим социокультурным разнообразием и особенностями управления.

Цивилизационные плиты разделены срединным (меридианально-экваториальным) Африкиским разломом, трещины которого пронизывают континентальную плоть от чресполосиси Африки до Кавказа и Днестра, от наркоземель Колумбии и нестроений Венесуэлы до «золотого треугольника» и сепаратистско-криминальных коллизий Юго-Восточной Азии, сгущаясь и сходясь в центральном регионе нестабильности – Большом Ближнем Востоке. Здесь находятся такие зоны управленческого коллапса, как Ливия и ряд других дестабилизированных африканских территорий, затем турбулентный район Газы и расколотый войной Йемен на юге Аравийского полуострова, далее – калейдоскоп сирийской сумятицы, тревожно пульсирующий Ирак, беспокойный, предкризисный Иран и пассионарный Афганистан.

Случай Сирии ярче других ситуаций демонстрирует подвижность и пестроту драматичных коллизий в Афризийской зоне нестабильности [Коротаяев, Исаев, 2014]. Здесь образуется непростая для оперативного анализа сумма асимметрично действующих сил, объектов, целеполаганий, меняющаяся в зависимости от конкретных достижений, поражений, внутренних и внешних обстоятельств.

Число активных субъектов многополюсного конфликта при самом беглом подсчете превышает дюжину: правительство Асада; разношерстная сирийская оппозиция; курды, стремящиеся если не к полной независимости, то к самой широкой автономии; ливанская «Хизбалла»; уничтожаемый в одних и возникающий в других местах трансформер «Исламского государства» (запрещено в РФ); Иран, пытающийся обустроить шиитский полумесяц (не забывая и о хуситских районах Йемена); Израиль, успокаивающийся о своих северных границах; Турция, выстраивающая на сирийской земле собственную зону безопасности; США поддерживаемые как европоцентричными партнерами (Франция, Вели-

кобритания, Австралия, Канада), так и арабскими государствами (Саудовская Аравия, ОАЭ, Иордания, Марокко), и др. В этом причудливом смешении устремлений, интриг, интересов с некоторых пор обретается и Россия.

Действия Москвы, дважды или трижды объявлявшей о победе и выводе войск из Сирии, выглядят не вполне логичными, если не принимать в расчет обстоятельства, лежащие за пределами сирийского театра действий: текст и контекст ее устремлений, ретроспективы и перспективы внешней политики, способы принятия решений, характер стратегем. Действительно, «арабская весна» пришла на сирийскую землю в марте 2011 г., достигнув пика в 2012–2013 гг. Но тогда же, летом 2012 г., ликвидируется Аппарат Главного военного советника в Сирии – сложная и разветвленная российская военно-разведывательная структура, существовавшая здесь более полувека (со времен Суэцкого кризиса 1956 г.), охватывавшая вниманием весь ближневосточный регион. А еще через три года происходит громкое возвращение России, в значительной мере утратившей за это время доступ к обширной оперативной информации, но тем не менее активно, самым непосредственным образом включившейся в заметно усложнившийся конфликт.

В чем же логика подобных зигзагообразных действий, и есть ли она?

УСТРЕМЛЕНИЯ И ВОПЛОЩЕНИЯ

Попробуем частично реконструировать контекст. В 2012 г. в России началась очередная каденция Владимира Путина, определившего курс страны как евразийскую стратегическую альтернативу и выдвинувшего в этой связи амбициозную программу Евразийской интеграции: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [Путин, 2011].

В русле данной попытки заполнить смысловой и стратегический вакуум предполагалось укрепление взаимодействия с азиатскими партнерами (но не только); развитие таких уже существующих союзов, как СНГ, СГ, ТС, ОДКБ, ШОС, БРИКС и им подобных с перспективой евразийской геополитической интеграции³. Главный же вектор институционального продвижения виделся в трансформации Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в наделенный отчасти геостратегическими и политическими функциями Евразийский экономический союз (ЕАЭС), потенциально сопрягаемый с китайской инициативой «Один пояс и один путь», ШОС и АСЕАН. А в перспективе, возможно, с Всесторонним региональным экономическим партнерством (ВРЭП) в Азиатско-Тихоокеанском регионе и отдельными африканскими странами. Имея в виду созидание «в кругу расчисленном светил» полноценного Евразийского Союза с российской доминантой как некоего альтер-аналога Европейского Союза⁴.

Геоэкономической основой, рычагом масштабной геополитической и геоэкономической реконструкции (отчасти по образцу железнодорожно-транспортного мегапроекта

³ «Содружество (СНГ. – А.Н.) остается незаменимым механизмом, позволяющим сближать позиции и вырабатывать единую точку зрения на ключевые проблемы, стоящие перед нашим регионом <...> опыт СНГ позволил нам запустить многоуровневую и разноскоростную интеграцию на постсоветском пространстве, создать такие востребованные форматы, как Союзное государство России и Белоруссии, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и, наконец, Единое экономическое пространство» [Путин, 2011].

⁴ «Будущий Евразийский экономический союз, о котором мы заявляли, о котором мы много говорим последнее время, это не просто набор взаимовыгодных соглашений. Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития...» [Путин, 2013].

Российской империи [Некlessа, 2014]) мыслилось созидание обширного нефтегазового комплекса, состоящего из четырех директивных сегментов: Запад-Север-Юг-Восток. Трансконтинентальная система включала бы: (а) действующую западную (украинскую и белорусскую) составляющую; (б) дополняющий (и отчасти перекрывающий) ее возможности «Северный поток»; (в) проектируемый «Южный поток» и (г) закрепляющий универсализм системы восточный рукав – «Сила Сибири»⁵. А также – реализацию обширного плана развития Дальнего Востока (тоже с определенными параллелями из российской истории) как хаба взаимодействия с восточноазиатским сообществом. Старт процесса был символически обозначен во Владивостоке на саммите АТЭС (сентябрь 2012 г.) в виде моста, соединившего азиатский континент с островом Русский. В декабре того же года была достигнута договоренность о реорганизации ЕвразЭС с передачей части функций транзитной Евразийской экономической комиссии.

На практике, однако, обнаружилось изъязы как самой концепции, так и технологий ее реализации. Подвела склонность к эффективным клише и упрощенным решениям комплексных задач. Политические инициативы России, наподобие проекта Евразийского парламента, иных наднациональных органов или единой валюты, встречали противодействие. Со стороны руководства Казахстана, Беларуси, Украины в той или иной форме прозвучали призывы не спешить с «политической составляющей» и сосредоточиться на решении сугубо экономических задач. (В мае 2014 г. договор о создании ЕАЭС был подписан Беларусью и Казахстаном, затем другими участниками, а с 1 января 2015 г. Союз начал функционировать, однако без важнейшего потенциального члена – Украины.)

Не принесло ожидаемых дивидендов «подражание Столыпину» – программа заселения и развития Дальнего Востока, рискующего оказаться серьезным политическим и экономическим обременением, а заинтересованность Китая, Японии, Южной Кореи, Индии в стратегическом партнерстве и широком сотрудничестве с Россией оказалась ниже ожидаемой. Все это, вместе взятое наряду с возросшими внутренними проблемами предопределило стратегический кризис, обозначившийся уже спустя год с начала очередного срока президентства.

Усилия на рубеже 2013–2014 гг. стимулировать соучастие Украины в созидании ЕАЭС, одновременно форсируя ее отказ от подписания соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, а также проблематичность протектората в той или иной форме над УкрГТС привели к серьезному углублению кризиса, его второй фазе.

Столкновение с нелицеприятной реальностью обернулось замещением конструктивных подходов силовой деконструкцией обстоятельств⁶. В действиях по радикальному изменению ситуации главной стратегической ошибкой (уже заметно иных пропорций) стало присоединение Крыма, отягощенное усилиями по реализации «проекта Новороссии». Нарушение контрактно-договорного *modus vivendi* межгосударственных отношений подрывало политико-правовую платформу современного миропорядка, что не могло не иметь серьезных международных последствий (ср. аннексию Кувейта Ираком). Не говоря о результирующем сдвиге общего стратегического баланса не в пользу России: мультиплицируемой сумме негативных следствий не только политического и военного, но также юридического, экономического, финансового, экологического, имиджевого свойства.

⁵ Проект имел достаточно серьезное геоэкономическое обоснование: текущий и прогнозируемый на тот момент рост потребления газа в мире и хорошие перспективы наращивания его экспорта Россией. Действительно, «Газпром» увеличил свою долю на европейском рынке с 23% в 2010 г. до 34.2% в 2017 г., поставив 193.9 млрд м³ газа, обеспечивая свыше трети потребностей данного рынка и демонстрируя годовой прирост экспорта на 8% [*Годовой отчет...*, 2018].

⁶ 1 марта 2014 г. Совет Федерации дал согласие на «использование Вооруженных Сил РФ на территории Украины до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране» [*Постановление Совета Федерации...*, 2014].

Подвело и аналитическое обоснование геоэкономической стратегии: недооценка политических рисков и возможностей технического прогресса; развитие нефтегазодобывающих и энергосберегающих технологий, систем производства, транспортировки, использования СПГ, потенциала сланцевой революции; смещение энергетического баланса в направлении «рынка покупателя»; ряд иных обстоятельств, результатом чего стало обострение борьбы за нефтяные и газовые рынки. Произошло резкое снижение цены нефти, что сократило возможности рентно-ориентированной экономики России. Расходы же на вооруженные силы, внутренние войска, системы безопасности, госаппарат, трубопроводную сеть, демонстрационные и престижные проекты шли вверх. К этим обременениям добавился и груз санкций.

Все это плюс вынужденное сворачивание планов по строительству стратегически важного «Южного потока», а также «Ямал-Европы-2» (2014), необходимость компенсировать замысленный в новой ситуации бойкот украинской газотранспортной системы, параллельное продвижение альтернативного российским планам южного газового коридора – ТАНАП/ТАП, наряду с планами разработки восточно-средиземноморских месторождений⁷, расширения существующих и создания новых морских и континентальных газотранспортных систем в регионе, предопределили в конечном счете вовлечение России в сирийскую авантюру.

СИРИЙСКИЙ СОБЛАЗН

Побудительных мотивов на самом деле оказалось больше. К тому же где-то с середины 2013 г. стала заметно меняться ситуация в Сирии.

Летом Иран резко активизировал участие в сирийской сумятице, что поставило под сомнение забрезжившую победу вооруженной оппозиции. Затем при участии России был успешно урегулирован острый кризис, связанный с применением химического оружия в Восточной Гуте, причем Барак Обама отказался от выполнения ранее заявленных угроз [Goldberg, 2016] (что некоторым образом отозвалось и при планировании крымского сюжета). В следующем году, по мере нарастания проблем, связанных с «судорогой Крыма» и кризисом проекта «Новороссия», политическое руководство, несмотря на афганский опыт, стало задумываться об использовании потенциала сирийского конфликта для купирования умножившихся проблем.

Ситуация в Сирии тем временем продолжала усложняться. После «чуда Мосула» происходит трансформация ИГИЛ (июнь–июль 2014 г.) – становление его как по-своему легального, хоть и нелегитимного «Исламского государства», обладающего территорией с подвижными границами и распространявшего присутствие и на сирийские земли. Что, в свою очередь, привело к действиям США, направленным против ИГ как в Ираке, так и в Сирии при поддержке, сложившейся под их эгидой многонациональной евро-арабской коалиции. Появился хороший повод для исполнения Россией задуманного – возможность включиться в сложную геостратегическую комбинацию под лозунгом и с мандатом «борьбы с терроризмом». 30 сентября 2015 г. Совет Федерации единогласно одобрил использование Вооруженных сил России за рубежом, при этом глава администрации президента РФ Сергей Иванов уточнил, что речь идет именно о Сирии⁸.

⁷ Крупные запасы природного газа были открыты в восточном Средиземноморье, в акватории Кипра – Ливана – Израиля – Египта. Здесь сталкиваются интересы ряда стран, в числе которых – Турция, Катар и Саудовская Аравия. Иран, выстраивая и укрепляя геополитическую конструкцию «шиитского полумесяца», также может через посредство ливанской «Хизбаллы» тем или иным образом влиять на освоение месторождений. Геополитические же и геоэкономические интересы Саудовской Аравии в данном случае совпадают с интересами России, стремящейся минимизировать приток нефтегазового сырья в Европу.

⁸ С. Иванов подчеркнул, что речь идет исключительно об операции ВВС. «Использование Вооруженных сил на сухопутном театре военных действий исключено. И военной целью операции является исключительно

Но если к реализации сирийского сценария Москву в определенной мере и подтолкнуло эффективное на том этапе участие Ирана в военных действиях (укрепившее позиции Асада, заставив вооруженную оппозицию перейти к обороне)⁹ плюс ожидаемые дивиденды от «маленькой победоносной войны», то суть интриги все же заключалась в ином. Привлекала возможность исправить проблемную ситуацию с основным геоэкономическим активом – комплексной газотранспортной системой. Особенно в ее южном изводе.

ГЕОЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

Солдаты теперь не всегда носят форму, генералы же не всегда носили и прежде. Геополитика в России с некоторых пор подчиняет геоэкономике, и логика гибридной конфронтации с Киевом подводила к мысли об изоляции Украины от российского газового потока. К тому же полный отказ от использования УкрГТС мог негативно повлиять и на внутриукраинский газооборот.

Через украинскую систему прокачивалось в год примерно 94 млрд м³ газа при технических возможностях заметно больше: 288 (вход), 178.5 (выход), 142.5 млрд м³ (ЕС). Две нити «Северного потока» в значительной мере компенсировали бы вывод УкрГТС из системы российского газооборота (проектная мощность каждого трубопровода – 55 млрд м³ в год, сейчас в СП-1 режим форсирован – 62 млрд м³). Реализация проекта «Северный поток-2» – серьезный фактор в данной комбинации (с проектной мощностью 55 млрд м³) – и Турецкого потока (31,5 млрд м³) могла бы составить примерно 86 млрд м³. Однако даже с учетом существующих «СП-1» и «Ямал-Европа» следовало бы учитывать, что не реализованные до конца проекты отягощены внеэкономическими проблемами. Для России же критически важно время их ввода в эксплуатацию, так как решения по путям транспортировки необходимо было принимать до истечения срока соглашения с Украиной о транзите, т.е. до конца 2019 г. Играет роль в данной ситуации и негативная позиция ряда стран. В результате от идеи бойкота приходится отказываться, хотя определенное сокращение объема прокачиваемого через УкрГТС газа вполне вероятно.

Также осложнялась для России ситуация с обустройством южной ветви газового транзита, связанной с иными российскими месторождениями, нежели источники сырья для северных артерий, а также с реэкспортом туркменского и казахского газа в Европу. К тому же реализация альтернативного российскому южного газотранспортного проекта – Трансанатолийского трубопровода (ТАНАП) и перспектива последующего его соединения с Трансадриатическим трубопроводом (ТАП), вкуче с перспективой восточносредиземноморских и транскаспийских газотранспортных путей, способных связать систему с богатыми месторождениями средиземноморского шельфа и центральноазиатских источников газа (в рамках проектируемой комплексной и трансконтинентальной системы Южноевропейского газового коридора), грозили если не исключить РФ из южнороссийского газооборота, то заметно сократить участие в нем.

воздушная поддержка сирийских правительственных сил в их противодействии ИГИЛ». [Совет Федерации разрешил..., 2015].

⁹ «В первой половине 2015 г. состоялись переговоры на высоком уровне между Москвой и Тегераном, после чего были достигнуты политические договоренности. 24 июля генерал К. Сулеймани посетил Москву для разработки деталей плана и координации военных действий в Сирии. В середине сентября 2015 г. были сделаны новые размещения отрядов иранской революционной гвардии, прибывших в Тартус и Латакию на западе Сирии. Поскольку большая часть подразделений Сирийской Арабской Армии и национальных сил обороны была развернута на более взрывоопасных фронтах, российские морские пехотинцы и Корпус стражей исламской революции, заняв позиции, установили военные контрольно-пропускные пункты в городах Слунфех (Восточная Латакия), Масаф (Восточный Тартус) и Рас-ал-Басит (прибрежный город Латакия). Следующее развертывание новых иранских сил в Сирии произошло в начале октября 2015 г.» [Хайруллин, 2018, с. 205–206].

Разрешение проблемы, как казалось, было найдено в масштабном, четырехтрубном комплексе «Турецкого потока» вместо так и не состоявшегося «Южного» (в обоих случаях планировалось 63 млрд м³). Однако, чтобы избежать с Турцией (потенциальным хабом южно-европейского газооборота) неприятностей, схожих с теми, которые имели место с Болгарией (и Евросоюзом в целом) при попытке реализации проекта «Южного потока», требовалось обзавестись значимой позицией в региональной ситуации. Иначе говоря, нужно было обрести рычаг устойчивого влияния в этом регионе.

Средством воздействия виделась контролируемая Россией зона на северо-западе Сирии непосредственно у турецкой границы (т.е. в ином районе, нежели северо-восточный ареал доминирования ИГ) за счет актуализация традиционных связей и влияния России на курдское сообщество. А также обладание таким инструментом, как управление в данной горловине «аргументом беженцев». Авиацонная же поддержка правительственных частей, проасадовских прокси, иранских и связанных с Ираном сухопутных сил – ливанской «Хизбаллы», иракского шиитского ополчения, других иностранных боевиков, позволила бы урегулировать значительную часть проблем, сопряженных с устойчивостью режима Башара Асада.

Общий успех сирийской кампании был важен Москве и для желаемой пересдачи карт за счет размена проблем, восстановления престижа, смягчения внешних и внутренних напряжений, переключения внимания с событий в Украине и неурядиц в России. А также для манифеста следующей каденции.

КОРРОЗИЯ БУДУЩЕГО

Действия в сложной геополитической, геоэкономической и геокультурной обстановке требовали навыков высокого стратегического и оперативного мастерства. Но мир замыслов существует автономно от искусства их воплощения: желать не значит обладать. Результатом конструирования очередного прорыва стал назревающий третий кризис.

План создания плацдарма для давления на Турцию быстро потерпел фиаско. Анкара остро отреагировала на силовые действия у ее границ (ноябрь 2015 г.); отношения между странами ухудшились. Не слишком помогло в главном вопросе даже налаженное позже сотрудничество разведслужб при попытке государственного переворота в стране (июль 2016 г.). Прокладка «Турецкого потока» несколько раз откладывалась, планы были сокращены (вместо 63 млрд м³ – 31.5, из которых только 15.8 предназначаются в Европу). Работы по двум из планировавшихся четырех нитей пришлось прекратить, а ставшие избыточными уже построенные сегменты законсервировать и утилизировать. Задавать тон в проекте, корректируя условия, стала именно Турция.

В результате очередная предвыборная кампания и каденция остались без озвученной и обсуждаемой программы, страна – с туманным горизонтом, без повестки развития и смыслового вектора, а государство – с расширяющейся финансовой дырой. Энтузиазм «весенних» настроений сменился осенней распутицей. Фокус внимания сместился в область оборонного сознания, ресентимента и профанированной апофатки. Компенсировать ущерб пришлось дивидендами от «ресурса смерти»: историями о Wunderwaffe и критической венчурностью с перспективой «попадания в рай».

Летом 2018 г. началась эксплуатация первой версии альтернативного России «энергетического шелкового пути» – Трансатоллийского газопровода, поставляющего азербайджанский газ через Грузию в Турцию и к европейскому континенту сухопутным маршрутом (т.е. в отличие от Турецкого потока вне потенциально конфронтационной черноморско-азовской акватории). ТАНАП к тому же дополняется Трансадриатическим газопроводом (политически поддержанным Еврокомиссией и администрацией США), продолжая маршрут через Грецию к Италии; другая его ветка ориентирована на Болгарию.

Форсируя решение вопросов военно-стратегического характера, Москве пришлось срочно завершать переговоры о конвенции по правовому статусу Каспия, блокируя вероятность военного присутствия в нем внешних сил, но открыв возможность прямой транспортировки газа из Центральной Азии в Европу, соглашаясь с геоэкономическим люфтом – уведомительным принципом прокладки трубопроводов (оговорив, правда, «совместное решение экологических вопросов»).

Недооцененным оказался характер и объем военно-технических, логистических, транспортных проблем, связанных с сирийской кампанией. Не удалось эффективно использовать потенциал долговременных связей с курдами, перешедшими под покровительство США и вступившими в вынужденный диалог с Турцией. А военный союз с Ираном, в условиях его нарастающей изоляции, фактически становится стратегической ловушкой. Умножаются, обретая специфический опыт и располагая по другим нестабильным территориям, частные военно-коммерческие предприятия, сопряженные с ресурсно-трофейной экономикой и чреватые отложенным эффектом бумеранга [Шабаев, 2018]. Интересы же России в афразийской зоне тем временем смещаются на Африканский континент [Meyer et al., 2018]¹⁰.

В итоге объявленные «выполнение поставленных задач» и «полный вывод войск» по-прежнему далеки от завершения. Фиксирование международного (внешнего) консенсуса относительно процесса пасификации Сирии (Астанинское соглашение, Стамбульская декларация, Сочинский меморандум) и разграничение зон доминирования чреватые политическими, финансовыми и иными обременениями, а общий результат для РФ может стать схожим с эффектом «победоносного рейда на Приштину». Сирия оказывается фактически разделенной на «суннитский протекторат» Турции (устанавливающей зону безопасности у своих восточных границ, обустривая также в ней и контролируя «фактор беженцев») с примкнувшей частью вооруженной оппозиции; возникают ареал Идлиба, вобравшего в себя как гражданских беженцев, так и джихадистское сообщество, эвакуированное с обширной территории, контролируемой ирано-асадовскими силами (с перспективой выдавливания ослабленного внутренними и внешними настроениями Ирана из Сирии), а также «автономия» курдов (в настоящий момент подконтрольных США) плюс невятное и подвижное в географической локации «дикое поле» с ушедшим в *ингияз* (временное отступление) «Исламским государством».

Для России все это означает коррозию стратегической перспективы, поиск очередного драматичного бенефиса и отягощенность негативным проблемным разнообразием как во внешней, так и внутренней политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2017 год (29.06.2018) [PJSC Gazprom Annual Report 2017 (29.06.2018) (in Russian)] <http://www.gazprom.ru/f/posts/85/227737/application-1.pdf> (accessed: 29.08.2019).

Коротаев А.В., Исаев Л.М. Формирование «афразийской» зоны нестабильности. «Арабский кризис» и его международные последствия. Под общ. ред. А.М. Васильева. Отв. ред. А.Д. Саватеев, Л.М. Исаев. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 206–228 [Korotaev A.V., Isaev L.M. The Formation of Afroasian Zone of Instability. *Arab Crises and Its International Consequences*. Eds: A.M. Vasiliev, A.D. Savateev, L.M. Isaev. Moscow: LENAND, 2014. Pp. 206–228 (in Russian)].

Некlessа А.И. Преодоление Евразии (Геоэкономический этюд). *Полис. Политические исследования*. 2014. № 3. С. 27–46 [Neklessa A.I. Getting Over Eurasia (Geo-Economic Essay). *Polis. Politicheskie issledovanya*. 2014. No. 3. Pp. 27–46 (in Russian)].

¹⁰ Вектор российских амбиций, повторяя в новой каденции динамику прежнего *tour de force*, может сместиться на Дальнем Востоке в сторону Японии, на западе – к Беларуси, а на юге – к Африканскому континенту (причем все три направления так или иначе затрагивают стратегические интересы Китая).

Некlessа А.И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. *Полис. Политические исследования*. 2018. № 1. С. 80–95 [Neklessa A.I. The Crises of History. The World as an Unfinished Project. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2018. No. 1. Pp. 80–95 (in Russian)].

Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 01.03.2014 [Resolution of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation 01.03.2014 (in Russian)] http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102171481&intelsearch=&firstDoc=1&lastDoc=1 (accessed: 20.08.2019).

Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. *Известия*. 03.10.2011 [Putin V.V. New Integrational Project for Eurasia – The Future that is Being Born Now. *Izvestiya*. 03.10.2011. (in Russian)].

Путин В.В. Выступление на юбилейном заседании «Многообразие России для современного мира» международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, 2013 [Putin V.V. Report at the Jubilee Session of The Valdai International Discussion Club “Variety of Russia for Modern World”. Moscow: 2013. (in Russian)] <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed: 20.08.2019).

Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М.: УРСС, 1997 [Rome Club. History of creation, selected reports and speeches, official materials. Moscow: URSS, 1977 (in Russian)].

Совет Федерации разрешил использование российских войск в Сирии. 30 сентября 2015 [The Federation Council authorized the use of Russian troops in Syria. September 30, 2015 (in Russian)] <https://lenta.ru/news/2015/09/30/za/> (accessed: 20.07.2019).

Хайруллин Т.Р. Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук (рукопись). Институт Африки РАН. М., 2018 [Hayrullin T.R. *Islamist Projects as Instruments for Struggle for Leadership in Arab Region*. Institute for African Studies RAS. (manuscript). Moscow, 2019 (in Russian)].

Шабаяев Е. Жизнь человека ничего не стоит. *Lenta.ru*. М., 2018 [Shabaev E. Human Life Means Nothing. *Lenta.ru*. Moscow. 2018 (in Russian)] https://lenta.ru/articles/2018/11/22/ch_v_k/?utm_medium=social&utm_source=facebook&fbclid=IwAR3FtpZ1iwaBbvjwJh9Mkk0SmDyDSzhWmEobOR0cVJmU5jKfJkmGf8-jp4U (accessed: 01.06.2019).

Goldberg, Jeffrey. The Obama Doctrine. *The Atlantic*. 2016. April. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (accessed: 03.04.2018).

Meyer H., Arkhipov I., Rahagalala A. Putin’s Notorious ‘Chef’ Is Now Meddling Across Africa. *Bloomberg*. 2018. <https://www.bloomberg.com/news/features/2018-11-20/putin-chef-yevgeny-prigozhin-is-now-meddling-in-africa> (accessed: 03.06.2018).

Moroney J.D.P., Grissom A., Marquis J.P. A Capabilities-Based Strategy for Army Security Cooperation. RAND Arroyo Center, 2007. <https://www.rand.org/pubs/monographs/MG563.html> (accessed: 02.05.2018).

Rumsfeld D. Press Conference by US Secretary of Defense, Donald Rumsfeld. 2002. <https://www.nato.int/docu/speech/2002/s020606g.htm> (accessed: 03.06.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НЕКЛЕССА Александр Иванович – руководитель Группы «Север–Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН.

Alexander I. NEKLESSA, Head of the “North–South” Group at the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Head of the Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization, member of the Bureau of the Academic Council “History of the World Culture” at the Presidium of the Russian Academy of Sciences (Moscow).